

Ольга Рузанова

СЫН ГУБЕРНАТОРА

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-311.2(02.055.2)

ББК 83.3(2)

Р83

Рузанова, О.

Р83 Сын губернатора / О. Рузанова — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 344 с. — (Греховцевы).

ISBN 978-5-517-11549-2

Могла ли я представить, как круто повернется моя жизнь. Еще вчера - воспитанница детского дома, а сегодня - студентка престижного Вуза, в котором учится сын самого губернатора.

Безэмоциональный, высокомерный и циничный, хоть и... красивый. И пахнет от него незнакомо. Дорогим парфюмом, деньгами и превосходством над остальными.

- Я пойду? — говорю робко.

- Денег дать? — вдруг спрашивает он и, не дожидаясь моего ответа, достает из внутреннего кармана кожаной куртки бумажник.

Открыв его, вынимает две пятитысячные купюры. Смотрю на них, а перед мысленным взором проносятся новые ботинки, теплая куртка... нормальная еда.

Герман, видимо заметив мою реакцию, холодно усмехается.

- Бери.

Встречаюсь глазами с его серым взглядом и невольно ежусь. Он намеренно меня унижает.

- Нет.

- Мало?..

BIC FRD

BISAC FIC027000

ISBN 978-5-517-11549-2

© Ольга Рузанова, текст, 2024

© Ольга Христенко, обложка, 2024

© RUGRAM, оформление, 2024

© Т8 Издательские технологии, 2024

Глава 1

Беру в руки стопку методических пособий и, чтобы не развалилась, прижимаю ее сверху подбородком. — Короткова, ну куда столько? — сокрушается завкафедрой. — Надорвешься.

— Не надорвусь, Лилечка Андреевна, нас в детском доме кирпичи заставляли таскать. Я знаете какая сильная!

Женщина поджимает тонкие губы и смотрит на меня со всей строгостью. Наверное, не понравилась фамилльярность, с которой я к ней обратилась.

— Простите, — посылаю извиняющуюся улыбку и, развернувшись, иду к выходу.

Кое-как, помогая себе коленом, открываю дверь и выхожу в коридор. Мимо, оставляя после себя шлейф приятных духов, проносится толпа девчонок. По виду третий или четвертый курс.

— С дороги, убогая! — бросает одна из них, пихая меня сумкой.

— Эй! — кричу вслед, прижимаясь спиной к стене.

Поправляю чуть съехавшую набок стопку и, оглянувшись, продолжаю свой путь.

А что происходит? По сравнению с тем, что было здесь в восемь утра, обстановка в универе заметно изменилась. Все куда-то бегут, шепчутся и возбужденно хихикают.

— Грех, грех, грех... — слышится со всех сторон.

Что за грех? Что или кто это? И почему все так всполошились?

Завернув за угол, останавливаюсь на лестничной площадке. Перевожу дух и наощупь начинаю спускаться вниз.

Мимо снова проносится толпа возбужденных фифочек, а в моей голове только две мысли: донести методички до пункта назначения и не допустить, чтобы подошва моего правого кроссовка снова оторвалась. Я приклеивала ее уже четыре раза. Четыре раза! Если сейчас она снова оторвется, в пятый раз уже ничего не получится. Мне во что бы то ни стало нужно доносить их до первой стипендии, которая, как мне сказали в деканате, ожидается только в октябре.

Если она оторвется сейчас, придется доставать зимние ботинки. В сентябре.

Стараясь не сильно сгибать правую ногу, осторожно спускаюсь на первый этаж и, обойдя по дуге взбудораженную появлением какого-то греха толпу, поворачиваю в коридор, ведущий в просторный холл.

— Смотрите: Герман! — слышу я сбоку.

Плевать мне на этого Германа, потому что от тяжелой ноши у меня уже онемели плечи и заныла спина. Пересекаю помещение и упираюсь в плотную толпу студентов, перекрывших вход в коридор левого крыла корпуса.

— Разрешите, — подаю голос.

Но меня никто не слышит. Прикрыв рты ладошками, девчонки шепчутся друг с другом.

— Он реально здесь учится?

— Да... заочно.

— Я до этого его только в интернете видела...

— Охренеть...

— Я тоже в шоке...

— Такой brutalный...

Я толкаю плечом в спину одной из них и повторяю:

— Разрешите пройти.

Получается. Одна из студенток, высокая блондинка, оборачивается и окидывает меня презрительным взглядом.

— Не прикасайся ко мне.

— Дайте пройти.

Тяжесть в руках достигает своего максимума, руки начинают дрожать, плечи наливаются свинцом.

— Тебе обязательно здесь идти? — цедит ее подруга. — Обойди с другой стороны.

— А тебе сложно сделать шаг назад? — парирую я.

— А ты кто такая, чтобы я ради тебя шаг в сторону делала?

Курица безмозглая, вот ты кто.

Разворачиваюсь на девяносто градусов и, толкая ее плечом, протискиваюсь между ней и ее подругой.

— Фу, голодранка!

— Ната, отойди! Вдруг у нее вши?

— Что она вообще делает в нашем вузе?!

— Это уборщица, наверное...

— Охреневшая уборщица...

Меня оскорблениями уже давно не пронять. Поэтому, мечтая лишь о том, чтобы поскорее добраться до пункта назначения, я делаю еще один шаг и чувствую, как нога упирается в преграду. Теряю равновесие и лечу вперед.

Столкновение колен с бетонным полом выходит жестким. От боли темнеет в глазах. Методички рассыпаются колодой карт.

— Кривоногая!

— Убожество лесное!

Надо мной смеются и оскорбляют, а я думаю только об одном: как там моя подошва. Оглянувшись, быстро осматриваю кроссовки и облегченно выдыхаю: кажется, пронесло.

Поднимаюсь на ноги и под дружный хохот начинаю собирать разлетевшиеся по всему холлу методички. Делаю это быстро, чтобы никто не успел специально наступить и испортить. Мне за них перед Лилией Андреевной головой отвечать.

Собираю стопку и намереваюсь уже покинуть толпу недоумков, как слышу:

— А эту кому оставила?

Черт... Действительно, одну не подняла. Она лежит, касаясь края черного кроссовка одного из студентов.

— Грех, откинь ее в сторону, — говорит, посмеиваясь, тощий блондин.

Я замираю. Фокусирую взгляд на книжице, намереваясь проследить траекторию ее полета. Но ничего не происходит. Она остается лежать у массивного черного кроссовка. Пытаясь понять намерения его хозяина, я поднимаю глаза и чувствую, как по телу проходит ледяной озноб. Так на меня еще никто не смотрел. Как на вылезшего из-под плинтуса таракана.

Ежусь и, быстро присев на корточки, забираю методическое пособие, пока этот Грех не передумал.

— Мышь, — слышу шипящий женский голос.

— Надо декану пожаловаться, что в наш вуз уже бомжей пускать стали, — вторит ему чей-то писк.

Не поднимая больше глаз, пробираюсь сквозь толпу хорошо пахнущих, но не очень приятных людей и направляюсь к заветной двери. Толкаю ее коленом и захожу внутрь. Свалив ношу на ближайший стол, перевожу дух.

Вот, значит, какой он, этот Грех. Жуткий тип. Высокий и одет прилично, но от его взгляда мороз по коже. Не понимаю восторга окружающих. Безэмоциональный, с неживым взглядом. Как робот. Фу...

Еще раз трясую головой, словно сбрасывая с себя неприятное ощущение, дожидаясь библиотекаря и с чистой совестью иду в аудиторию на пару психологии. Заняв свое место в последнем ряду, достаю из потрепанного рюкзака тетрадь и ручку.

— Свободно? — спрашивает девушка неформатной внешности.

— Да.

Она с начала учебы рядом со мной сидит, но каждый раз спрашивает разрешения. Странная. С сине-зелеными волосами, пирсингом в носу и губах и в черной одежде. Готка, наверное. Мы сидим молча: она, заливнувшись в телефоне, я, разрисовывая поля тетради.

— Нет, все-таки классный он, у меня мурашки по коже... — с придыханием проговаривает одна из однокурсниц, проходя мимо нашего стола.

— Говорят, у него невеста есть.

— Врут.

Закатив глаза, устремляю взгляд в окно. Там ветер, но дождя еще нет, хоть и обещали. Если повезет, доберусь до общаги с сухими ногами.

— Задрали... — шипит соседка по парте.

— Что?

— Задрали, говорю, с этим Греховцевым, — выплевывает с отвращением, — кипятком ссутся.

— Это о нем все сегодня шепчутся?

— О ком же еще? Какая честь: с нами сын самого губернатора учится!

Теперь понятно, с чего весь этот ажиотаж. Я даже спину распрямляю. Когда в прошлом году к нам в детдом какой-то мэр приезжал, воспитатели так же перед ним бегали, но тогда нам только из окна на него смотреть можно было. А сегодня я почти коснулась ботинка сына губернатора!

Глава 2

Моим надеждам сбыться было не суждено. Как раз перед окончанием последней лекции начинается дождь. Бросаю тоскливый взгляд на свою многострадальную обувь и шагаю под холодные капли. Иду быстро, накинув на голову капюшон толстовки и обхватив себя руками. Куртки на это время года у меня тоже нет.

От корпуса университета до общежития всего метров триста, но мне приходится сделать небольшой крюк, чтобы зайти в супермаркет. Не глядя по сторонам, прохожу сразу в социальный отдел с продуктами первой необходимости, беру булку и банку паштета из гусиной печени. Судя по составу, написанному на этикетке, в баночке вся таблица Менделеева, но вкус сносный. И цена для меня приемлемая.

— Девяносто семь рублей, — механическим голосом говорит кассирша.

— У меня скидочная карта.

— Это со скидкой.

— Как со скидкой? Со скидкой должно получиться девяносто один рубль.

— Девушка, — спрашивает с вызовом, — вы брать будете или нет?

— Паштет ведь 54 рубля стоит?

— Здрасьте! Уже со вчерашнего дня по новой цене! 61 рубль.

— А на ценнике 54 написано, — упираюсь я. — У меня, вообще-то, каждая копейка на счету, и я не собираюсь разбрасываться деньгами налево и направо.

— Вы очередь задерживаете! Либо покупайте, либо уходите.

Оглядываюсь и напарываюсь на недовольный взгляд какой-то бабули. Перед ней полная тележка продуктов, а за спиной хнычущий внук.

— Хорошо, — выдавливаю через силу, — но я буду жаловаться! Где ваша жалобная книга?

Выразительно закатив глаза, тетка смотрит на покупателей позади меня. Всем своим видом показывая, как сильно я ее достала.

— Да давай уже быстрее, — выкрикивает мужской голос, — мы из-за твоих трех копеек ночевать здесь должны?

— Семь рублей, вообще-то. На дороге не валяются.

Сунув покупки в рюкзак, уныло плетусь в общагу. Ноги промокли, капюшон и плечи толстовки — тоже. Остается надеяться, что завтра не проснусь с соплями.

Соседки в комнате не обнаруживаются, поэтому я, вскипятив чайник, спокойно сажусь обедать булкой с паштетом. Поглощая свой нехитрый обед, читаю в учебнике материал к завтрашнему практическому занятию по русскому языку.

Я собираюсь стать первоклассным журналистом, поэтому к учебе отношусь очень серьезно. Не пропускаю лекций и зубрю материал так, чтобы от зубов отскакивал. Это мне легко дается. Моя бывшая учительница говорила, что я одаренная и талантливая. Мне нравится в это верить. Когда я написала итоговое сочинение на отлично и получила за тест по русскому языку высший балл, именно она подняла все свои связи, чтобы помочь мне поступить в этот вуз. Подводить ее я не собираюсь.

От чтения отвлекает хлопок двери.

— Привет, — говорю соседке по комнате Юле.

Не удостоив меня ответом, она прямо в обуви проходит по чистому линолеуму и в одежде падает на свою кровать.

— Чем воняет? — морщит нос и начинает махать ладонью перед лицом.

Спохватившись, быстро засовываю баночку с недоеденным паштетом в полиэтиленовый пакет и убираю его на подоконник ближе к стеклу.

Юлька терпеть не может его запах.

— Опять эти химикалии жрешь?

— Проветрить?

— Не надо, — вздыхает тяжело, — послал же Бог соседку.

Она, вообще-то, неплохая, нормальная. Когда в настроении. Перед началом учебы даже пару тетрадей мне подарила и однажды угостила пирожным, хотя сама из малообеспеченной семьи.

— Что в универе нового?

— Ничего... Хотя сегодня туда сын какого-то губернатора приезжал, суеты навел...

Плохое настроение и усталость Юльки исчезают, как по щелчку пальцев. Резко поднявшись, она скидывает с ног ботинки и садится по-турецки.

— Правда? Какой он?

— Эмм... — задумавшись, сосредоточиваю взгляд на качающейся от ветра ветки дерева за окном, — неприятный... жуткий... высокомерный. Мне не понравился.

— Ты в своем уме?! — громко хохотнув, спрашивает Юля. — Не понравился?! Тебе?! Что же ты, бл@ть, за процесса такая, что тебе Греховцев Герман не понравился?

Вспоминаю его отдающий ледяным пренебрежением взгляд и невольно ежусь. Что может в нем нравиться? Да, он высокий, и черты лица у него правильные, особенно запомнились губы. Полные, четко очерченные. Одет дорого, и кроссовки у него наверняка крутые. Но его манера держаться, поза и уничтожающий взгляд испортили все впечатление.